

СОДЕРЖАНИЕ

1. У стен Кремля	– 2.19
2. Птица-дорога	– 1.15
3. Привал	– 1.07
4. Ягодки	– 1.16
5. Птички	– 1.28
6. Языческий лик	– 2.31
7. Лишь чувствую	– 1.27
8. В немую ночь	– 2.26
9. Звезда скитаний	– 2.17
10. В ночных переулках	– 2.09
11. Сочельник	– 1.45
12. Вестник другого дня	– 1.15
13. Подруге и спутнику	– 1.44
14. 1937 год	– 1.33
15. Чаша	– 1.57
16. Яровету – Демиургу России	– 2.22
17. Предупреждение	– 1.42
18. Прощание	– 3.08
19. Красный реквием ч. 1	– 1.16
20. Красный реквием ч. 2	– 1.49
21. Красный реквием ч. 3	– 2.28
22. Красный реквием ч. 4	– 1.26
23. Сквозь тюремные стены	– 2.30
24. Обманщикам народа ч. 1	– 1.26
25. Обманщикам народа ч. 2	– 2.15
26. Обманщикам народа ч. 3	– 1.10
27. Учи же меня	– 2.20
28. О невидимом граде Китеже	– 4.02
29. Роза Мира	– 2.10

Общее время звучания – 56.33

1. У СТЕН КРЕМЛЯ

Ранняя юность. Пятнадцать лет.
Лето московское; тишь... прохлада.
В душу струится старинный свет
Первопрестольного града.

Скверы у Храма Спасителя... Даль...
И издалека — серебряной речью
Мерно несет родную печаль
Кованый благовест Замоскворечья.

По переулочкам узким брожу:
Там разноцветно пестрят пятиглавия,
Там, у высоких амвонов, слежу
Теплящиеся огни православия.

В смутных мечтах о добре и зле.
Долго внимаю рассеянным сердцем
Древней, полупонятной хвале
Великомученикам и страстотерпцам.

И, упований ни с кем не деля,
Вижу: над гребнем зеленого скага

Тихо слетают с зубцов Кремля
Лебеди розовые заката.

Бархатен, мягок уличный шум...
В старых притворах — ладан, стихирь.
Это впивает крепнувший ум
Вечную правду о Солнце мира;

Это — душа, на восходе лет,
Еще целокупная, как природа,
Шепчет непримиримое «нет»
Богоотступничеству народа.

2. ПТИЦА-ДОРОГА

Как участь эта легка:
Уйти от родного порога...
Дорога! Птица-дорога!
Волнующиеся облака!

Как мед, я пью этот жребий:
Воительницу-грозу,
Склоненную в зыбь лозу
И радугу в вечном небе.

Мелькают межи, столбы,
Деревни у перелога...
Дорога! Песня-дорога!
Песня моей судьбы!

Как не любить — телеги,
Поскрипывающие в колее,
Неспешную речь в жилье,
Гул хвой на лесном ночлеге?..

Лети же, светла, легка,
На зов голубого рога,
Дорога! Птица-дорога!
Кочующие облака!

3. ПРИВАЛ

Где травка, чуть прибитая,
Нежней пушистых шкур,
Уютен под ракиною
Привал и перекур.

Хоть жизнь моя зеленая
И сам я налегке,
Но сало посоленное
И сахар есть в мешке.

Гляжу-любуюсь за реку,
На пажити внизу,
Сухарики-сударики
Грызу себе, грызу.

А большего не хочется,

И весело мне тут
Смотреть, как мимо рощицы
Прохожие бредут.

Идите, люди мудрые,
Куда велят дела,
А мне зеленокудрая
Ракиточка мила.

4. ЯГОДКИ

Смотри-ка! Смотри-ка!
Что может быть слаще?
Полна земляникой
Смешная чаща.

Медведи правы:
Здесь — рай. И вот
В душмяные травы
Ложусь на живот.

В зеленом храме,
Быть может, первый
Срываю губами
Алые перлы.

На солнце, у пней,
Близ юных опенок,
Они вкуснее
Сладчайших пенек,

И меда пеннейшего,
И даже, ха,
Наисовершеннейшего
Стиха.

5. ПТИЧКИ

— Я берегу
— Кук-ку!.. —
На берегу
— Кук-ку!..
...и над рекой
Сон хвой
и трав.
И на суку
— Кук-ку!..
все стерегу
— Кук-ку!..
...заветный бор
От всех потрав.

— А я — в сосну
— Тук-тук!
И не засну
(Тук-тук)
пока сосна —
Сундук

с добром,
 Коль под корой
 скрыт прок,
 И глупый рой
 прыг — скок
 На мой сигнал,
 мой стук,
 мой гром.

— Я в тростниках
 Вью-вью!
 Я в родниках
 Пью-пью!
 Я в лозьяках
 Лью трель
 мою;
 сев на корчу,
 Дом свив,
 прощобечу:
 — Жив-жив!
 Пою, свищу:
 Чив-чив,
 Чи-ю.

6. ЯЗЫЧЕСКИЙ ЛИК

Нет, не боюсь языческого лика я:
 Шмель, леший, дуб —
 Мне любо все, — и плес, и чаша тихая,
 И я им люб.

Здесь каждый ключ, ручей, болотце, лужица
 Журчат мне: пей!
 Кричат дрозды, кусты звенят и кружатся,
 Хмелит шалфей,

Спешат мне тело — дикие, невинные —
 В кольцо замкнуть,
 Зеленым соком стебли брызжут длинные
 На лоб, на грудь,

Скользят из рук, дрожат от наслаждения,
 Льют птичий гам,
 Касаясь, льнут, как в страстном сновидении,
 К вискам, к губам,

Живые листья бьют об плечи темные...
 В проемы чаш
 Кидают под ноги луга поемные
 Медвяный плащ,

Бросают тело вниз, в благоухание,
 Во мхи, в цветы.
 И сам не знаешь в общем ликовании:
 Где — мир, где — ты.

7. ЛИШЬ ЧУВСТВУЮ

Безлюдный закат настиг меня тут,
 Чья ж ласка вокруг? Чей зов?
 Над морями туманов тихо плывут
 Одни верхушки стогов.

В студеном яру родники звенят...
 Тропинка вниз повела...
 И вот, обволакивает меня
 Блаженно сырая мгла.

Ей отвечая, кипит горячей
 Странной отрадой кровь,
 Как будто душа лугов и ключей
 Дарит мне свою любовь.

Благоуханьем дурманят стога,
 Кропит меня каждый куст,
 На темной коже — как жемчуга
 Дыхание чых-то уст.

И, оберегая нас, благ и нем,
 Склоняется мрак к двоим...
 Не знаю за что и не слышу — кем,
 Лишь чувствую, что любим.

8. В НЕМУЮ НОЧЬ

Вы, реки сонные
 Да шум сосны, —
 Душа бездонная
 Моей страны.

Шурша султанами,
 Ковыль, пырей
 Спят над курганами
 Богатырей;

В лесной глуши горя,
 Не гаснет сказ
 Про доблесть Игоря,
 Про чудный Спас.

И сердцу дороги,
 Как вещий сон,
 Живые шорохи
 Былых времен:

Над этой поймою
 Костры древлян,
 Осины стройные
 Сырых полян,

Луна над мелями,
 Дурман лугов,
 В тумане медленном
 Верхи стогов,

Вода текучая
 Все прочь и прочь, —
 Звезда падучая
 В немую ночь.

9. ЗВЕЗДА СКИТАНИЙ

Из шумных, шустрых, пестрых слов
 Мне дух щемит и жжет, как зов,
 Одно: бродяга.
 В нем — тракты, станции, полынь,
 В нем ветер, летняя теплынь,
 Костры да фляга;

Следы зверей, следы людей,
 Тугие полосы дождей
 Над дальним бором,
 Заря на сене, ночь в стогу,
 Посвистыванье на лугу
 С пернатым хором.

Быть может, людям слово то,
 В речь обыденную влито,
 Напомнит даже
 Совсем другое: тайный лаз,
 Угрюмый взгляд свинцовых глаз,
 Нож, ругань, кражи...

Ну что ж! В бродяжке божество
 Любовно верить никого
 Я не неволю,
 Слоняюсь только да слежу
 Сорок, стрижей, ручей, межу,
 Курганы в поле.

Безделье? Нет. Труд был вчера
 И будет после. Но пора
 Понять, что праздник
 Есть тоже наш священный долг:
 В нем безотчетно знает толк
 Любой проказник.

Да и потом, какой ханжа
 Прикажет верить, будто ржа
 Наш разум гложет,
 Когда с душой природы связь
 Мы углубляем, развалясь
 На хвойном ложе?

Вот и валяюсь в пышном мху,
 Рад то напеву, то стиху,
 Игре их граней,
 И в чудных странах бытия
 Мне путеводна лишь моя
 Звезда Скитаний.

10. В НОЧНЫХ ПЕРЕУЛКАХ

Ни Альтаира. Ни Зодиака.
 Над головой — муть...
 Нежен, как пух, среди света и мрака
 Наш снеговой путь.

Шустрый морозец. В теле — отрада,
 Пальцев и лбов щип.
 Ведает только дух снегопада
 наших шагов скрип.

Кто-то в усталых домиках древних
 Манит, присев, к снам.
 Пламя камина в памяти дремлет,
 Душу согрев нам.

Скверы, бульвары... льдистые стекла,
 Мост — и опять мост...
 Губы целуют, добры и теплы,
 Танец снежинок-звезд.

Дважды мы проходили, минуя
 Свой же подъезд, вдаль:
 Жаль нам Москвушку бросить ночную.
 Ласковых мест жаль.

Вот бы на зло церемонным прогулкам
 В снег кувырком пасть!
 Вот бы разуться да переулком
 В сад босиком — шась!

Весело, что нельзя этих блесток
 Вытоптать, смять, счесть...
 На циферблатах пустых перекрестков
 Три — пять, — шесть...

11. СОЧЕЛЬНИК

Речи смолкли в подъезде.
 Все ушли. Мы одни. Мы вдвоем.
 Мы живые созвездья
 Как в блаженное детство зажжем.

Пахнет воском и бором.
 Белизна изразцов горяча,
 И над хвойным убором
 За свечой расцветает свеча.

И от теплого тока
 Закачались, танцуя, шары —
 Там, на ветках, высоко,
 Вечной сказки цветы и миры.

А на белую скатерть,
 На украшенный праздничный стол
 Смотрит Светлая Матерь
 И мерцает Ее ореол.

Ей, Небесной Невесте —
 Две последних, прекрасных свечи:
 Да горят они вместе,
 Неразлучно и свято в ночи.

Только вместе, о, вместе,
 В угасаньи и в том, что за ним...
 Божий знак в этой вести
 Нам, затерянным, горьким, двоим.

12. ВЕСТНИК ДРУГОГО ДНЯ

Другие твердят о сегодняшнем дне...
 Пусть! Пусть!
 У каждого тлеет — там, в глубине —
 Таинственнейшая грусть.

Про всенародное наше Вчера,
 Про древность я говорю;
 Про вечность; про эти вот вечера,
 Про эту зарю;

Про вызревающее в борозде,
 Взрыхленной плугом эпох,
 Семя, подобное тихой звезде,
 Но солнечное, как бог.

Не заговорщик я, не бандит, —
 Я вестник другого дня.
 А тех, кто сегодняшнему кадит —
 Достаточно без меня.

13. ПОДРУГЕ И СПУТНИКУ

Другу ли скажешь — нахмурится, вздрогнет
 И оборвет с укором.
 Если б он знал, что столько и дрог нет,
 Сколько потребуют скоро.

Заговоришь об этом в стихах ли —
 «Ты о веселье спой нам!
 Пусть — мы обыватели, хахали, —
 Дай хоть пожить спокойно».

Пробуешь за грядущими войнами
 Смысл разглядеть надмирный;
 Бродишь в бору чащобами хвойными,
 Дыша тишиной мирной.

Душу воспитываешь — саламандру.
 Что не горит в пламени...
 Миг — и опять она лишь Кассандра,
 Гибель рекущая племени.

Только одна ты, подруга и спутник,
 Вере верна, как знамени;
 Ты лишь одна пронизала будни
 Блеском благого Имени;

Девочка с полутелесным профилем,
Ты не рабыня Времени,
И от тебя уж не скрыть Мефистофелю
Вышний завет — LEX DOMINI!*

.....

*Закон Бога (*лат.*).

14. 1937 ГОД

Утро. Изморось. Горечь сырая.
От ворот угасшего рая
День и голод жесткою плетью
Гонят нас в бетонные клетки.

По ночам провидцы и маги,
Днем корпим над грудой бумаги,
Копошимся в листах фанеры —
Мы, бухгалтеры и инженеры.

Полируем спящие жерла,
Маршируем под тяжкий жёрнов,
По неумолимым приказам
Перемальываем наш разум.

Всё короче круги, короче,
И о правде священной ночи,
Семена по ровному кругу,
Шепнуть не смеем друг другу.

Единимся бодрящим гимном,
Задыхаемся... Помогите нам,
Хоть на миг бетон расторгая,
Всемогущая! Всеблагая!

15. ЧАША

Не может кровью не истечь
Любое сердце, если множествам
На грозном стыке эр порожистом
Рок нации диктует лечь.

И разум мечется в бреду,
Предвидя свист и рокот пламенный
На страшных стогах Белокаменной,
В осуществившемся аду.

Рассудок не вмещает наш,
Что завтра будет взор ученого
В руинах края омраченного
Искать осколки ваз и чаш.

Искать?.. Но чаша — лишь одна:
Скорбей и смертного томления, —
К устам дрожащим поколения
Она судьбой поднесена.

Она, как рдеющий кристалл,

Горит и будит понимание,
 Что над страной бесшумно встал
 Час всенародной Гефсимании.

16. ЯРОСВЕТУ — ДЕМИУРГУ РОССИИ

В узел сатаны нити городов свиты,
 Кармою страны скован по рукам дух...
 Где Ты в этот час, ближний из Сынов Света,
 Бодрствующий в нас огненной борьбой двух?

Если — зов трубы, хриплый, ветровой, резкий —
 Разве то не Ты кличешь в снеговой рог, —
 Ты, что начертал страшную судьбу русских,
 Ты, что сократить властен роковой срок?

Иль по облакам битвой Ты святой занят,
 И перед Тобой горький этот стих — дым,—
 Дым из тех пустынь, где по берегам клонит
 Мерзлую полынь ветер мировых зим?

Что Тебе до нас, капель в штормовом море,
 Злаков, что дрожат зябко в борозде Зла?..
 Ангеле наш! Нам холодно в Твоем мире,
 А по сторонам — в людях и везде — мгла.

Гасит меня тьма, если отвратил взор Ты,
 Если взор ума к мудрости Твоей слеп!
 Корни существа Ты не оросил? — Мертвы...
 Склеп.

17. ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я был предуведомлен, что опасно
 В ту ночь оставаться мне одному,
 Что хочет ворваться в мирную паству
 Весть о грядущем, шурша об дома...
 Напрасно жена пыталась любовью
 Обезопасить наш теплый мирок...
 И стало мне видно: годы бесславья,
 Как трупы, переступают порог.

...Я спотыкался о заскорузлые травы,
 Торчавшие в топкой воде впереди.
 Черна была ночь, но небо — багрово,
 Как пурпур пришедшего Судии.
 И, не дождавшись ни единого звука,
 Я понял, что закрутилась тропа,
 Что взвешена правда нашего века
 И — брошена, — легкая, как скорлупа.

Всюду — края черепков чугунных.
 По сторонам — трясины и мох.
 Нет победителей. Нет побежденных.
 Над красными лужами — чертополох.
 Я крикнул — в изморось ночи бездомной
 (Тишь, как вода, заливала слух),
 И замолчал: все кого я помнил,

Вычеркнуты из списка живых.

18. ПРОЩАНИЕ

И вот закрывается теплый дом,
И сени станут покрыты льдом,

Не обогреет старая печь,
И негде будет усталым лечь.

Часы остановятся на девяти.
На подоконник — метель, мети!

Уже сухари, котелок, рюкзак...
Да будет так. Да будет так.

Куда забросит тебя пурга?
Где уберечься от бомб врага?

И где я встречу твои глаза?
И все же поднял я руку за.

На хищный запад, гнездовье тьмы,
Не ты пойдешь, а солдаты — мы;

Доверю жизнь я судьбе шальной,
И только имя твое — со мной.

Теперь, быть может, сам Яросвет
Не скажет демону русских «нет»:

Он вложит волю свою в ножны,
А мы — свою — вынимать должны.

Ремень ложится мне на плечо,
А в сердце пусто и горячо.

Одно еще остается: верь! —
И вот, закрылась старая дверь.

19. КРАСНЫЙ РЕКВИЕМ

1

Сквозь жизнь ты шел в наглазниках. Пора бы
Хоть раз послать их к черту, наконец!
Вон, на снегу, приземистою жабой
Спит крематорий, — серый, как свинец.

Здесь чинно все: безверье, горесть, вера...
Нет ни берез, ни липок, ни куста,
И нагота блестящего партера
Амбулаторной чистотой чиста.

Пройдет оркестр, казенной медью брызнув...
Как бой часов, плывут чредой гроба,
И ровный гул подземных механизмов
Послушно туп, как нудный труд раба.

А в утешенье кажет колумбарий
 Сто ниш под мрамор, серые как лед,
 Где изойдет прогорклым духом гари
 Погасших «я» оборванный полет.

20. 2

Стих
 Толк;
 Присмирел деловой
 Торг:
 Свой
 Долг
 Возвратил городской
 Морг.

Жизнь —
 Круг.
 Катафалк кумачом
 Ал...
 Наш
 Друг
 На посту боевом
 Пал!

Срок
 Бьет.
 Пронесем через мост
 Труп.
 Жизнь
 Ждет,
 И торопит на пост
 Труд!

Пук
 Роз
 Сквозь ворота бегут
 Внесть:
 Для
 Слез
 Восемнадцать минут
 Есть.

— Он
 Пал,
 Укрепив наших сил
 Мощь!
 Он
 Брал
 Жизнь в упор, как учил
 Вождь!

Он
 Пал
 Несгибаемо-прямо,
 Тверд;

Пусть
Шквал
Хлещет яростно в наш
Борт:

Наш
Стяг
Не сомнет никакой
Враг...
Марш!
Марш!
Сохраняй строевой
Шаг! —

21. 3

Тот
Наглый, нагой, как бездушный металл,
Стык
Слов
Мне
Слышался там, где мертвец обретал
Свой
Кров;
Где
Должен смириться бесплодных времен
Злой
Штурм;
Где
Спит, замурован в холодный бетон,
Ряд
Урн.
В тыл
Голого зала, в простой — вместо свеч —
Круг
Ламп,
Бил
Голос оратора, ухала речь,
Как
Штамп.
Был
Тусклый, тяжелый, как пухлости лбов,
В ней
Пыл,
Гул
Молота, бьющего в гвозди гробов,
В ней
Был:
— Долг...
Партия... скромность... Мы — прочный устой...
Честь...
Класс...
Гной
Будничной пошлости, странно-пустой
Треск
Фраз.

Чу:
 Шурхнули дверцы... Как шарк по доске,
 Звук
 Туп;
 Чуть
 Ёкнуло сердце, — и вздрогнул в тоске
 Сам
 Труп:
 В печь,
 В бездну, — туда, где обрежется нить
 Всех
 Троп,
 Вниз,
 Мерно подрагивая, уходит
 Стал
 Гроб.
 И —
 Эхом вибрации, труп трепетал...
 Был
 Миг —
 Блеск
 Нижнего пламени уж озарял
 Весь
 Лик...

Ток
 Пущен на хорах: орган во весь рост
 Взвыл
 Марш!
 Срок
 Взвешен в секундах, ритм точен и остр,
 Как шарж...
 Стал
 Старше от скорби, кто слышал порой,
 Как
 Мы,
 Марш
 Urbi et orbi* чеканенный строй,
 Шаг
 Тьмы;
 Кто
 Глянул невольно в тот жгучий испод,
 В ту
 Щель,
 Кто
 Понял, что там — все плоды, весь итог,
 Вся
 Цель,
 Кто
 Чадом тлетворным дохнул из глубин
 Хоть
 Раз;
 Кто
 Дьявольским горном обжог хоть один
 Свой

Час.

.....

* *Городу и миру (лат.)*.

22. 4

И «Вечную память» я вспомнил:
Строй плавных и мерных строф,
Когда все огромней, огромней
Зиянье иных миров;

Заупокойных рыданий
Хвалу и высокую честь;
«Идеже нет воздыханий»
Благоутешную весть;

Ее возвышенным ладом
Просвечиваемую печаль,
Расслаивающийся ладан,
Струящийся вверх и вдаль,

Венок — да куст невысокий
Над бархатным дерном могил,
В чьих листьях — телесные соки
Того, кто дышал и жил.

23. СКВОЗЬ ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Завершается труд, раскрывается вся панорама:
Из невиданных руд для постройки извлек я металл,
Плиты слова, как бут, обгранил для желанного храма,
Из отесанных груд многотонный устой создавал.

Будет ярус другой: в нем пространство предстанет огромней;
Будет сфера — с игрой золотых полукруглых полос...
Камня хватит: вдали, за излучиной каменоломни,
Блеском утра залит непочатый гранитный колосс.

Если жизнь и покой суждены мне в клокочущем мире,
Я надежной киркой глыбы камня от глыб оторву,
И, невгодам вразрез, будет радость все шире и шире
Видеть купол и крест, довершаемые наяву.

Мне, слепцу и рабу, наважденья ночей расторгая,
Указуя тропу к обретенью заоблачных прав,
Все поняв и простив, отдала этот труд Всеблагая,
Ослепительный миф — свет грядущего — предуказав.

Нет, не зодчим, дворцы создающим под солнцем и ветром,
Купола и венцы возводя в голубой окоем —
В недрах русской тюрьмы я тружусь над таинственным метром
До рассветной каймы в тусклооком окошке моем.

Дни скорбей и труда — эти грузные, косные годы
Рухнут вниз, как обвал, — уже вольные дали видны, —
Никогда, никогда не впивал я столь дивной свободы,
Никогда не вдыхал всею грудью такой глубины!

В круг последних мытарств я с народом безбрежным вступаю —
 Миллионная нить в глубине мирового узла...
 Сквозь крушение царств проводи до заветного края,
 Ты, что можешь хранить и листок придорожный от зла!

24. ОБМАНЩИКАМ НАРОДА

1

Грудь колесом, в литой броне медалей.
 Ты защищал? ты строил? — Погляди ж:
 Вон — здание на стыке магистралей,
 Как стегозавр среди овечек-крыш.

Фасад давящ. Но нежным цветом крема
 Гладь грузных стен для глаз услащена,
 Чтоб этажи сияли как поэма,
 Чтоб мнились шутки за стеклом окна.

Тут Безопасность тверже всех законов,
 И циферблат над уличной толпой
 Отсчитывает здесь для миллионов
 Блаженной жизни график круговой.

И тихо мчится ток многоплеменный,
 Дух затаив, — взор книзу, — не стуча, —
 Вдоль площади, парадно заклеянной
 Прозваньем страшным: в память палача.

25. 2

Нет:

Втиснуть нельзя этот стон, этот крик

В ямб:

Над

Лицами спящих—негаснувший лик

Ламп,

Дрожь

Сонных видений, когда круговой

Бред

Пьешь,

Пьешь, задыхаясь, как жгучий настой

Бед.

Верь:

Лязгнут запоры... Сквозь рваный поток

Снов

Дверь

Настежь — «Фамилия?» — краткий швырок

Слов, —

Сверк

Грозной реальности сквозь бредовой

Мрак,

Вверх

С шагом ведомых совпавший сухой

Шаг,

Стиск

Рук безоружных чужой груботой

Рук,

Визг
 Петель — и — чинный, парадный, другой
 Круг.

Здесь
 Пышные лестницы; каждый их марш
 Прямо;
 Здесь
 Вдоль коридоров — шелка секретарш —
 Дам;
 Здесь
 Буком и тисом украшен хитро
 Лифт...
 Здесь
 Смолк бы Щедрин, уронил бы перо
 Свифт.

Дым
 Пряно-табачный... улыбочки... стол...
 Труд...
 Дыб
 Сумрачной древности ты б не нашел
 Тут:
 Тишь...
 Нет притаившихся в холоде ям
 Крыс...
 Лишь
 Красные капли по всем ступеням
 Вниз.

Гроб?
 Печь? лазарет?.. — Миг — и начисто стерт
 След,
 Чтоб
 Гладкий паркет заливал роковой
 Свет.

26. 3

Ты осужден. Молчи. Неумолимый рок
 Тебя не первого втолкнул в сырой острог.
 Дверь замурована. Но под покровом тьмы
 Нащупай лестницу — не ввысь, но вглубь тюрьмы.
 Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут
 На берег ветренный ступени приведут.
 Там волны вольные, — отчалъ же! правь! спеши!
 И кто найдет тебя в морях твоей души?

27. УЧИ ЖЕ МЕНЯ

А сердце еще не сгорело в страданье,
 Все просит и молит, стыдясь и шепча,
 Певучих богатств и щедрот мирозданья
 На этой земле, золотой как парча:

Неведомых далей, неслышанных песен,
 Невиданных стран, непройденных дорог,
 Где мир нераскрытый — как в детстве чудесен,

Как юность пьянящ и как зрелость широк;

Безгрозного полдня над мирной рекою,
Куда я последний свой дар унесу,
И старости мудрой в безгневном покое
На пасеке, в вечно шумящем лесу.

Я сплю, — и все счастье грядущих свиданий
С горячей землею мне снится теперь,
И образы невоплощенных созданий
Толпятся, стучась в мою нищую дверь.

Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук — как причастье,
А тусклое зарево бед — как лучи!

Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвется ко мне —
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.

28. О НЕВИДИМОМ ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Темнеют пурпурные ложи:
Плафоны с парящими музами
Возносятся выше и строже
На волнах мерцающей музыки.
И, думам столетий отвечаю,
Звучит отдаленно и глухо
Мистерия смертного бедствия
Над Градом народного духа.

Украшен камнем узорным,
Весь в облаке вешнего вишенья, —
Всем алчущим, ищущим, скорбным
Пристанище благоутишное!..
Враг близок: от конского ржания
По рвам, луговинам, курганам,
Сам воздух — в горячем дрожании,
Сам месяц — кривым ятаганом.

Да будет верховная Воля!
Князья, ополченье, приверженцы
Падут до единого в поле,
На кручах угрюмого Керженца.
Падут, лишь геройством увенчаны,
В Законе греха и расплаты...
Но город! но дети! но женщины!
Художество, церкви, палаты!

О, рабство великого плена!
О, дивных святынь поругание!..
И Китеж склоняет колена
В одном всенародном рыдании.
Не синим он курится ладаном —
Клубами пожаров и дымов...

— Спаси, о благая Ограда нам,
Честнейшая всех херувимов!

Как лестница к выси небесной,
Как зарево родины плачущей,
Качается столп нетелесный,
Над гибнущей Русью маячущий.
— О, Матере Звездовенчанная!
Прибежище в мире суровом!
Одень нас одеждой туманною,
Укрой нас пречистым покровом!

И, мерно сходясь над народом,
Как тени от крыльев спасающих,
Скрывают бесплотные воды
Молящих, скорбящих, рыдающих.
И к полчищам вражьи доносится
Лишь звон погруженного града,
Хранимого, как дароносица,
Лелеемого, как лампада.

И меркнет, стихая, мерцая,
Немыслимой правды преддверие —
О таинствах Русского края.
Пророчество, служба, мистерия.
Град цел! Мы поем, мы творим его,
И только врагу нет прохода
К сиянию Града незримого,
К заветной святыне народа.

29. РОЗА МИРА

Мы на завтрашний день негодуем, и плачем, и ропщем.
Да, он крут, он кровав — день побоищ, день бурь и суда.
Но он дверь, он ступень между будущим братством всеобщим
И гордыней держав, разрушающихся навсегда.
Послезавтрашний день — точно пустоши после потопа:
Станем прочно стопой мы на грунт этих новых веков,
И воздвигнется сень небывалых содружеств Европы,
Всеобъемлющий строй единящихся материков.
Но я вижу другой — день далекий, преемственно третий,
Он ничем не замглен, он не знает ни войн, ни разрух;
Он лазурной дугой голубеет в исходе столетья,
И к нему устремлен, лишь о нем пламенеет мой дух.
Прорастание сморщенных, ныне зимующих всходов,
Теплый ветер, как май, всякий год — и звучней, и полней...
Роза Мира! Сотворчество всех на земле сверхнародов!
О, гради! поспешай! уврачуй! расцветай! пламеней!